

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-84-106

Научная статья / Research paper

А.В. Левченко*

НЕОКЛАССИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ: В ПОИСКАХ СВОЕГО «Я» В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный институт международных отношений
(университет)*

*Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, Москва, пр-т Вернадского, 76*

Неоклассический реализм возник как попытка выйти за пределы базовых теоретических установок неореализма при объяснении действительности в контексте адаптации к вызовам постбиполярных международных отношений. Однако постепенно, по мере кристаллизации и формализации определяющих идей и посылок неоклассического реализма, наметилась тенденция к его идейно-теоретическому обособлению как самостоятельного исследовательского подхода и даже обозначились претензии на статус особой, метасинтетической теории. Для того чтобы оценить обоснованность этих претензий и в целом лучше понять место неоклассического реализма в теории международных отношений, представляется целесообразным попробовать вписать его в общую логику развития реалистской парадигмы и неореализма в частности. В первом разделе статьи рассматриваются происхождение и основные теоретические положения неоклассического реализма. Во втором разделе анализируется специфика современных теоретических взглядов на сущность и перспективы развития аналитико-методологического инструментария данного подхода. В третьем разделе освещаются эмпирические исследования, выполненные в русле неоклассического реализма и позволяющие на практике оценить его эпистемологический потенциал. Автор приходит к выводу, что в настоящий момент неоклассический реализм едва ли может претендовать на статус отдельного теоретического направления, не говоря уже о метатеории.

* Левченко Алла Вадимовна — соискатель ученой степени кандидата политических наук, МГИМО МИД России (e-mail: levchenko.a.v@my.mgimo.ru; ORCID: 0009-0003-1316-3319).

Его правильнее рассматривать в качестве частного варианта, специфической модели исследования действительности в рамках (нео)реалистской парадигмы. Как таковой он позволяет продуцировать верифицируемые гипотезы на основе анализа взаимосвязей между независимой, зависимой и вмешивающейся переменными, а также открывает новые возможности для проведения эмпирических исследований широкого круга проблем. В то же время предстоит еще много работы по преодолению присущей неоклассическому реализму эклектичности, более четкому определению его онтологических, эпистемологических и методологических оснований.

Ключевые слова: реализм, неоклассический реализм, структурный реализм, неореализм, системный подход, внешняя политика, теория международных отношений

Для цитирования: Левченко А.В. Неоклассический реализм: в поисках своего «Я» в теории международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 4. С. 84–106. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-84-106.

Alla V. Levchenko

NEOCLASSICAL REALISM IN INTERNATIONAL RELATIONS THEORY: SEARCHING FOR ITS OWN PATH

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454*

Neoclassical realism emerged as part of the neorealists' response to the criticism of their core theoretical provisions, intended to adapt the latter to the challenges of post-bipolar international relations. However, with further elucidation and formalization of the key ideas and premises of neoclassical realism it started to assert itself as an independent research approach, and even more so, as a special, metasynthetic theory. In order to assess the validity of these claims and, in general, to better understand the place of neoclassical realism in the theory of international relations, this paper considers it within the context of the evolutionary logic of the realist paradigm and neorealism, in particular. The first section identifies the origins and main theoretical provisions of neoclassical realism. The second section covers modern theoretical debates on the essence of and prospects for further development of analytical and methodological aspects

of this approach. In order to provide a better understanding of the epistemological potential of the neoclassical realism, the third section examines empirical researches carried out within its framework. The author concludes that at the moment neoclassical realism can hardly qualify for the status of an independent theoretical position, let alone a meta-theory. It is more appropriate to consider it as a peculiar form, specific research model within the framework of the (neo)realist paradigm. As such, it allows putting forward verifiable hypotheses based on the analysis of the relationships between the independent, dependent and interfering variables, and also opens up new opportunities for conducting empirical research on a wide range of subject matters. At the same time, there is still a lot of work to be done to overcome the eclecticism inherent to neoclassical realism and to better define its ontological, epistemological and methodological foundations.

Keywords: realism, neoclassical realism, neorealism, system approach, foreign policy, theory of international relations

About the author: Alla V. Levchenko — PhD Candidate, MGIMO University (e-mail: levchenko.a.v@my.mgimo.ru; ORCID: 0009-0003-1316-3319).

For citation: Levchenko A.V. 2023. Neoclassical realism in international relations theory: Searching for its own path. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 4, pp. 84–106. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-84-106. (In Russ.)

Генезис неоклассического реализма как теоретического подхода был определен необходимостью введения дополнительных объяснительных параметров для решения новых проблемных ситуаций, не укладывающихся в схемы доминирующих вариаций реалистской парадигмы в целом и неореализма в частности. Однако по мере разработки теоретико-методологических оснований неоклассического реализма исследователи всё чаще стали задумываться о рассмотрении его в качестве самостоятельного подхода в системе научного знания¹. На этом фоне в западном академическом сообществе возникают дискуссии относительно сущности неоклассического реализма и его места в науке о международных отношениях: насколько правомерно идентифицировать этот подход как продолжение

¹ В данном случае под теорией понимается форма организации научного знания, дающая представление о закономерностях и связях в определенной области действительности, направленная на оправдание, обоснование и совершенствование теоретического знания с помощью соответствующих методологических процедур и операций [Микешина, 2005].

классического реализма и неореализма, своего рода прогрессивную программу исследования среднего уровня; правомерны ли попытки некоторых ученых превратить его в большую теорию и макронарратив, основанный на синтезе парадигм позитивистского и постпозитивистского толка [Fiammenghi et al., 2018; Meibauer et al., 2021], и т.д.

Отсутствие в международном научно-академическом сообществе консенсуса относительно того, каким образом наиболее точно идентифицировать положение неоклассического реализма при соотношении его с существующими теориями, вероятно, связано с тем, что неоклассический реализм на данный момент не вполне отвечает определяющим характеристикам теории (точность, непротиворечивость, простота и плодотворность [Кун, 1996]). Не был завершен и процесс его демаркации и соотношения с другими теориями в связи с очевидной предрасположенностью его сторонников к включению в свои построения всё новых переменных и созданию метасинтетической теории. Это волюнтаристское введение дополнительных вмешивающихся переменных при попытке объяснения новых эмпирических данных может обернуться дальнейшим размыванием исследовательской программы неоклассического реализма. Однако в целом подобная картина достаточно типична для начального этапа конструирования объектов исследования формирующейся теории. В этом контексте представляется целесообразным попробовать вписать неоклассический реализм в более широкие теоретические рамки науки о международных отношениях, а именно в общую логику реалистской парадигмы и неореализма в частности.

За последнее десятилетие учеными была проделана серьезная работа по осмыслению связи неоклассического реализма с другими подходами, формированию соответствующего аналитического инструментария. В данной статье ставится цель определить и систематизировать подходы к изучению и оценке неоклассического реализма как теории и исследовательской программы. Основное внимание уделяется научным публикациям, увидевшим свет после 2010 г., которые были размещены в ведущих журналах по международным отношениям. В этот период в международной базе научных данных «Web of Science» — наиболее авторитетном источнике реферативной информации о научных публикациях — в категории «Международные отношения» появилось 99 публикаций, упоминающих неоклассический реализм, а за предыдущее десятилетие — только 30 публикаций. Рост количества упоминаний неоклассического

реализма фиксируется и в российской академической среде. Так, на платформе российской Научной электронной библиотеки «eLibrary» по запросу «неоклассический реализм» за 2011–2021 гг. было найдено порядка 30 публикаций (некоторые из них попали в международные базы данных), а с 2000 по 2010 г. — лишь 2. Качественное отличие отечественных работ состоит в том, что в англоязычном академическом сообществе присутствует интерес к продолжению теоретического конструирования объектов исследования и повышению объяснительной способности неоклассического реализма, в российской же научной литературе не фиксируются значимые попытки рефлексии о его теоретико-методологических основаниях, напротив, ученые сосредоточены на использовании существующих подходов для аналитического объяснения эмпирических явлений.

Существующую литературу по неоклассическому реализму в целом с точки зрения содержания можно разделить на публикации, которые:

а) посвящены неоклассическому реализму как теоретическому подходу к анализу внешней политики и международных отношений, его соотношению с другими исследовательскими подходами и парадигмами, его методологическим основаниям (построение теории);

б) направлены на верификацию и доказательство гипотез и теоретических положений неоклассического реализма путем апробации их при анализе конкретного эмпирического материала (проверка теории).

Это деление в значительной мере предопределило структуру и данного исследования. В первой части статьи рассмотрены происхождение и основные теоретические положения неоклассического реализма; во второй части проанализированы особенности современных теоретических подходов к определению сущности и перспектив развития этого направления; наконец, в третьей части освещены эмпирические исследования, написанные в русле неоклассического реализма и позволяющие на практике оценить его эпистемологический потенциал.

Истоки и основные допущения неоклассического реализма

С позиций неореализма внутреннее устройство государства практически не имеет значения при определении стратегического внешнеполитического выбора той или иной политики. Так, в классической работе «Теория международной политики» К. Уолтц утверждал, что

определить наиболее вероятные исходы внешнеполитических действий государств, выявить системные ограничения и возможности, спрогнозировать наиболее эффективные реакции правительств и т.д. позволяет понимание прежде всего основных характеристик структуры международных отношений (определяющий принцип организации, основные действующие акторы, распределение материальных ресурсов) [Waltz, 1979: 71]. При этом К. Уолтц отмечал, что структура влияет на внешнеполитическое поведение не прямо, а через социализацию акторов и соперничество между ними [Waltz, 1979: 74], побуждая их действовать в соответствии с системными и структурными требованиями, чтобы избежать неблагоприятных последствий. Позже стали появляться работы, в которых детализировались возможные реакции государств в ответ на системные вызовы безопасности. Так, было доказано, что в условиях стратегической угрозы государства могут избирать различные стратегии усиления своей безопасности помимо внутреннего или внешнего балансирования, например перенесение ответственности на других (*buck-passing*) [Christensen, Snyder, 1990], примыкание к наиболее сильному государству в системе (*bandwagoning*) [Kaufman, 1992; Walt, 1990; Weitsman, 2004] и т.д.

По мере накопления фактов, которые с трудом могли быть объяснены в рамках неореалистской парадигмы, возникла необходимость критического переосмысления некоторых положений неореализма и выдвижения теоретического подхода, расширяющего доминирующую логику объяснений. Было выделено несколько «узких мест» структурного реализма, недоучитываемых или полностью игнорируемых его приверженцами: наличие индивидуальных особенностей восприятия и интерпретации системных вызовов лицами, принимающими решения; неоднозначность сигналов международной системы об угрозах и возможностях; вероятность нерационального поведения политических лидеров; проблемы, связанные с мобилизацией внутренних ресурсов [Ripsman et al., 2016: 19]. Следует отметить, что К. Уолтц не отрицал присущие своим построениям ограничения, но призывал к осторожности при введении новых переменных, которые могут повлиять на целостность и эффективность теории [Waltz, 1996].

Именно в качестве попытки ответить на эти вызовы и адаптировать под них принципы структурного реализма постепенно оформилось новое направление в теоретических исследованиях междуна-

родных отношений, которое получило название «неоклассический реализм». Этот термин был впервые употреблен в 1998 г. в статье американского исследователя Г. Роуза [Rose, 1998], который систематизировал и проанализировал работы известных ученых Т. Кристенсена [Christensen, 1996], Р. Швеллера [Schweller, 1998], У. Уолфорта [Wohlforth, 1993] и Ф. Закарии [Zakaria, 1998]. Г. Роуз отмечал, что эти авторы, размышляя в рамках неореалистской парадигмы, дополняли свой анализ изучением внутриполитических аспектов функционирования государств. Он определил общий методологический подход упомянутых авторов следующим образом: независимой переменной при анализе межгосударственных отношений признается соотношение материальных сил, которое, однако, не оказывает прямого влияния на внешнеполитические решения государств; последние во многом определяются воздействием вмешивающейся переменной, в частности мировоззренческих представлений политических лидеров и спецификой государственного устройства. Г. Роуз назвал этих авторов неоклассическими реалистами, тем самым определив основополагающую идею данного подхода: «Влияние фактора соотношения материальных сил между государствами на их внешнюю политику является непрямым и комплексным, потому что системное давление должно быть понято с учетом вмешивающихся переменных на уровне государств» [Rose, 1998: 146]. Строго говоря, предполагалась следующая каузальная связь: системные характеристики международных отношений — независимая переменная, внешняя политика — зависимая переменная, внутриполитические факторы (внутренние имманентные признаки самого государства) — вмешивающаяся переменная. Неоклассические реалисты, таким образом, апеллируют к пониманию государства как сложного и многосоставного политического института.

Например, американский исследователь Р. Швеллер объяснял случаи отказа государства от реализации стратегии балансирования наличием или отсутствием консенсуса и сплоченности между элитами, а также политической устойчивостью правительства, уровнем общественной поддержки [Schweller, 2010]. По мнению Р. Швеллера, основная причина появления неоклассического реализма заключалась в том, что «структурный реализм (неореализм) является только теорией международной политики, не способной объяснить внешнюю политику или конкретные исторические события» [Schweller, 2003: 316–317]. В этой связи он также отмечал, что неоклассический

реализм — единственная теория в рамках реалистской парадигмы, которая раскрывает и подчеркивает политическое измерение в международных отношениях [Schweller, 2003].

Постепенно происходили кристаллизация и формализация определяющих идей и посылок неоклассического реализма, которые можно суммировать следующим образом [Ripsman et al., 2016: 33–79]:

- государства — главные акторы международной системы;
- международная среда находится в состоянии анархии, когда государства могут рассчитывать только на себя (*self-help*);
- международные отношения — постоянная борьба государств за власть и влияние в мире, а распределение материальных возможностей (*power*) и соотношение сил являются определяющими факторами поведения государств;
- системные и структурные импульсы не всегда оказывают прямое детерминирующее влияние на внешнюю политику государства, но могут преобразовываться и переосмысливаться при принятии решений;
- идеологические взгляды и особенности восприятия политических лидеров, характеристики государственного устройства, бюрократия, группы влияния, общественное мнение при определенных условиях могут воздействовать на внешнюю политику государства [см. также: Juneau, 2015].

На этой основе наметилась тенденция к идейно-теоретическому обособлению и консолидации неоклассического реализма как самостоятельного исследовательского подхода.

Особенности теоретического осмысления положений неоклассического реализма в современных академических исследованиях

Попытки обособления неоклассического реализма не были беспроблемными и не вполне увенчались успехом до сих пор. Сейчас скорее доминирует представление о том, что неоклассический реализм является лишь продолжением неореализма в смысле дополнительной надстройки, необходимой для объяснения новых феноменов. Следуя этой логике, неоклассический реализм даже называют «теорией ошибок», так как с его помощью можно объяснить ситуации, когда государства отвечают «неправильно» или неэффективно на системные вызовы.

Американский исследователь Б. Ратбан полагает, что неоклассический реализм выступает «логическим и необходимым развитием» неореализма, объясняя аномалии и проблемные ситуации, для разрешения которых требуется введение дополнительных переменных. Автор пишет, что «неоклассический реализм следует понимать не как один из видов реалистской парадигмы, а как следующее поколение структурного реализма», «логическое развитие неореализма» [Rathbun, 2008: 296]. По мнению британского ученого А. Квина, сторонники неоклассического реализма либо должны признать, что являются ответвлением неореализма и изучают аномалии, либо вынуждены будут доказать, что это не отклонения в поведении государств, а устойчивый паттерн, тем самым вступая в серьезное противоречие со структурной теорией [Quinn, 2013].

Значимой вехой в развитии неоклассического реализма стал выход в 2016 г. работы Н. Рипсмана, Дж. Талиаферро и С. Лобелла «Неоклассическая реалистская теория международных отношений» [Ripsman et al., 2016], в которой были обобщены основные достижения и обозначена возможность оформления неоклассического реализма в качестве самостоятельного теоретического подхода. Авторы попытались систематизировать и классифицировать все доступные на тот момент публикации и разработки в рамках неоклассического реализма, проследили историю его формирования и перспективы развития. В работе была представлена обновленная версия неоклассического реализма, которая нацелена на углубление познавательных и объяснительных возможностей подхода путем усмотрения в зависимой переменной — внешней политике — способности оказывать обратное влияние на международную систему. По мнению авторов, не существует дихотомии между теорией международных отношений и теорией внешней политики, система и внешняя политика государств взаимно конституируют друг друга: структура международной системы, несомненно, влияет на внешнюю политику государства, но при этом внешнеполитические решения также определяют и формируют международные отношения.

Обобщая, авторы полагают, что в зависимости от временного горизонта неоклассический реализм может помочь объяснить не только различные вариации внешнеполитического поведения государства, находящегося под воздействием системных детерминант, но также изменения самой природы международной системы, которая

преобразовывается в результате стратегических решений великих держав [Ripsman et al., 2016: 80–83]. Строго говоря, в долгосрочной перспективе характеристики международной системы становятся совокупным результатом принятых внешнеполитических решений великих держав, которые являются не механической реакцией на внешние вызовы и возможности, но сопряжены с комплексным процессом выработки и реализации тех или иных стратегий. Таким образом, была сделана попытка сформулировать универсальную теорию, сопрягающую переменные структурного и агентского порядка.

Следует заметить, что ряд ученых скептически относятся к попытке сторонников неоклассического реализма сформулировать всеобъемлющую объяснительную модель [Legro, Moravcsik, 1999]. В частности, по мнению Н. Сearса, несмотря на то что у данного подхода есть потенциал стать «прогрессивной исследовательской программой», просматривается ряд тревожных тенденций в развитии неоклассического реализма [Sears, 2017]. Так, в данном подходе нет объяснения того, как именно взаимодействие между государствами может влиять на их внешнеполитический выбор, как государства осмысливают поведение других государств и реагируют на их действия и как их стратегическая кооперация влияет на систему в целом. Наиболее серьезной проблемой становится наличие большого количества вмешивающихся переменных, которые пытается охватить неоклассический реализм. Возникает закономерный вопрос, обеспечивает ли использование множества различного рода переменных, почерпнутых из реализма, либерализма и конструктивизма, большую объяснительную способность [Narizny, 2017]. Более того, сторонников неоклассического реализма критикуют за склонность к использованию очень разных по своему типу переменных, за утверждение, что при анализе той или иной ситуации исследователь волен сам выбирать, какая переменная в данном случае является наиболее значимой. Такой подход поднимает вопрос релятивности полученных знаний и строгости положений теории, которые нуждаются в упорядочивании и более четкой классификации [Götz, 2021].

В этой связи предпринимались попытки вывести одну общую вмешивающуюся переменную. Так, британский ученый Н. Китчен предлагает рассматривать в качестве таковой «большую стратегию» (*grand strategy*), которая понимается как внешнеполитическая стратегия государства, включающая управление ресурсами, дипломатию,

политическую культуру, национальное мировидение и др. [Kitchen, 2010]. По мнению Н. Китчена, с помощью концепции «большой стратегии» как соединения системных факторов и внутривнутриполитических параметров можно придать построениям неоклассического реализма большую методологическую строгость. Автор подробно описал механизмы влияния идей на процесс формирования внешнеполитической стратегии государства и указал, в каких обстоятельствах идейный фактор будет наиболее сильным: например, если те или иные идеологемы глубоко укоренены в сознании политической элиты и институционально закреплены.

В этом положении явно читается влияние конструктивизма, что, на самом деле, очень характерно для современных попыток теоретизирования о природе вмешивающейся переменной в неоклассическом реализме, которые отмечены стремлением к интеграции в реалистскую теорию конструктивистских концептов. Так, Г. Мейбауэр исследует, как в нее может быть инкорпорирован концепт «идей», понимаемый как транслируемые вовне убеждения [Meibauer, 2020]. В свою очередь британский исследователь Д. Благден анализирует ситуации, когда государство во исполнение некой идеологически обусловленной «роли» на международной арене действует вопреки целям максимизации безопасности [Blagden, 2021]. Подчеркивая эклектичную природу неоклассического реализма, другой британский исследователь, М. Фоулон, утверждает, что этот подход формирует свою особую идентичность как теория внешней политики, охватывающая сразу три измерения: временное (настоящее и прошлое); пространственное (национальное и международное) и когнитивное (материя и идеи) [Foulon, 2015]. На этой основе М. Фоулон и Г. Мейбауэр в совместной статье выступили с предположением, что развитие неоклассического реализма в этом направлении может способствовать также преодолению западно-центричности теории международных отношений [Foulon, Meibauer, 2020]. По мнению ученых, совмещая системный анализ и исследования на уровне государства, неоклассический реализм позволяет учитывать национальные, культурно-исторические и социальные особенности внешней политики государств.

Можно сказать, что дискуссии относительно теоретико-методологического развития неоклассического реализма отражают в целом тенденции в науке о международных отношениях, которые связаны

со спором между сторонниками развития больших обобщающих теорий и последователями аналитического эклектизма и плюрализма теорий среднего уровня [Meibauer et al., 2021: 270]. В последние годы в науке о международных отношениях идет дискуссия о проблемах теоретизирования, в частности, спор развернулся между сторонниками сохранения больших теорий² [Mearsheimer, Walt, 2013] и теми, кто признает полезность и допустимость разнообразия и диверсификации за счет новых промежуточных теорий [Dunne et al., 2013]. В этом контексте неоклассический реализм представляется результатом тенденции к теоретической пролиферации/фрагментации, предлагающим альтернативное объяснение феноменов, но при этом принимающим фундаментальные допущения (нео)реалистской «материнской теории». В дебатах о «конце теории международных отношений» неоклассический реализм является показательным случаем процесса разрастания базовой теории посредством ее переосмысления и уточнения при решении новых исследовательских проблем.

Эмпирические исследования в русле неоклассического реализма

Отдельным направлением в рамках неоклассического реализма можно считать эмпирические исследования, направленные на инструментализацию, практическую проверку и уточнение его теоретических положений.

Методологически программа эмпирических исследований в духе неоклассического реализма включает определение зависимой переменной, как правило, внешнеполитического курса того или иного государства в конкретный период времени, и независимой переменной, в свою очередь включающей характеристику и оценку состояния международной системы/региональной подсистемы, существующего соотношения сил и сравнение материально-ресурсного положения государств. Прикладной анализ эмпирических данных предполагает также идентификацию ключевых лиц, принимающих внешнеполитические решения [Ripsman et al., 2016: 99–104].

² Mearsheimer J.J., Walt S.M. An unnecessary war // Foreign Policy. 03.11.2009. Available at: <https://foreignpolicy.com/2009/11/03/an-unnecessary-war-2/> (accessed: 15.07.2023).

В качестве примера можно привести работу уже упоминавшихся Н. Рипсмана и С. Лобелла, в которой они вместе с рядом других исследователей провели анализ внешней политики Египта, Ирана и Саудовской Аравии после событий «арабской весны». В этой работе сначала была дана характеристика состояния международной среды с точки зрения ключевых системных импульсов (сдерживающая или открытая), затем выделены вмешивающиеся переменные (отношения государство–общество, стратегическая культура/идеология, идейно–политические взгляды элиты) и, наконец, показано их влияние на процесс формирования внешней политики указанных стран [Juneau et al., 2019].

Другим ярким примером может послужить исследование феномена мирной смены гегемона в системе международных отношений, когда прежний гегемон сознательно и добровольно уступает свои доминирующие позиции восходящим державам. Опираясь на построения неоклассического реализма, Дж. Талиаферро, С. Лобелл и Н. Рипсман приходят к выводу, что гегемон может отступить, если: а) у него отсутствуют военные, экономические и политические ресурсы, достаточные для противостояния; б) внутренние экономические и политические затраты на противодействие конкуренту несоизмеримо высоки; в) он испытывает на себе давление внутренних политических сил, не позволяющее реализовать политику противостояния [Taliaferro et al., 2018].

С опорой на теоретические положения неоклассического реализма также активно изучается проблематика двусторонних межгосударственных отношений. Например, исследователь К. Хесконструировал модель американо–китайского взаимодействия, согласно которой его динамика зависит как от международно–политической обстановки, так и от восприятия лидерами угроз безопасности и экономических интересов [He, 2017]. В свою очередь Р. Швеллер указывает, что для понимания американо–китайских взаимоотношений необходимо учитывать факторы, действующие на разных уровнях анализа: с одной стороны, растущий национализм внутри государств, а с другой — усиливающееся соперничество между державами в рамках системы [Schweller, 2018].

Исследователь С. Стейнссон, проанализировав обстоятельства военно–дипломатического конфликта между Великобританией

и Исландией в 1950-х годах из-за исключительной экономической зоны и права рыбной ловли в ней, предположил, что эскалация противоречий происходила в связи с сильным внутривнутриполитическим давлением на государственных лидеров, а также просчетами со стороны элиты относительно рисков и наиболее приемлемой стратегии поведения [Steinsson, 2017].

Эмпирические работы преобладают, как отмечалось, и в российских академических исследованиях, написанных в русле неоклассического реализма. Например, А. Королёв и В. Портяков предприняли попытку проанализировать российско-китайские отношения в период после холодной войны [Korolev, Portyakov, 2019]. Исследование показало, что под влиянием системных ограничений и вызовов Россия и Китай в постбиполярный период начали целенаправленно изменять и трансформировать внутривнутриполитические параметры (различные экономические модели и негативную историческую память), которые могли стать препятствием на пути формирования полноценного партнерства. Было показано, что международная система не только накладывает ограничения на внешнеполитический выбор государств, но и может формировать/определять внутривнутриполитические параметры, а государства — модифицировать их в соответствии с системными запросами. Д. Стрельцов и А. Лукин интегрировали неоклассический реализм в свое исследование российско-японских отношений [Стрельцов, Лукин, 2017]. Данный подход в сочетании с другими теориями использовался для анализа внешнеполитической стратегии Китая [Косоруков, 2014], отношений России и ФРГ [Леонов, 2021], российско-британских отношений [Годованюк, 2015], интеграционных процессов в Евросоюзе [Энтина, 2020].

Т. Романова считает, что рост интереса к неоклассическому реализму в России связан с «усложнением внутривнутриполитических реалий» и с теоретической точки зрения будет сопряжен с интеграцией неинституциональных и конструктивистских концептуальных положений в российскую теорию международных отношений³. В свою очередь В.Н. Конышев полагает, что эвристический потенциал неоклассического реализма может возрасти в контексте усилив-

³ Романова Т. О неоклассическом реализме и современной России // Россия в глобальной политике. 30.06.2012. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/o-neoklassicheskom-realizme-i-sovremennoj-rossii/> (дата обращения: 15.07.2023).

шейся тенденции к восстановлению и укреплению роли государства в мировой политике [Коньшев, 2020].

* * *

В статье была проанализирована современная академическая литература, посвященная проблемам теоретического осмысления и прикладного использования положений неоклассического реализма в исследованиях международных отношений, а также определены истоки формирования и основные положения данного подхода.

Если рассматривать структурный подход в интерпретации К. Уолтца и его последователей как «фундаментальную теоретическую схему» [Степин, 2003] или концептуальное ядро [Рузавин, 1978: 47], то неоклассический реализм предстает как развертывание содержания исходной теории. Он как частная теоретическая схема продуцирует верифицируемые гипотезы на основе связи между независимой, зависимой и вмешивающейся переменными, а как эмпирическая схема сопоставляет теоретические положения с реальными объектами и фрагментами действительности. Вводя внутривнутриполитические, нормативные и институциональные факторы в модель объяснения внешней политики государств, сторонники неоклассического реализма не рассматривают их как субстанциональные телеологические детерминанты поведения тех или иных стран, а трактует их как опосредующие ограничения, которые при определенных обстоятельствах могут влиять на процесс принятия решений в сложившихся структурных условиях. Понимание принципов действия структуры позволяет делать общие заключения и предположения о наиболее вероятных формах поведения государств, но, как отмечал К. Уолтц, «мы не можем предсказать, как именно они будут реагировать на системные вызовы без знания особенностей внутреннего порядка» [Waltz, 1979: 71]. В этом смысле неоклассический реализм уточняет и конкретизирует общие представления о возможных формах поведения конкретного государства.

При подробном изучении современной литературы можно заметить, что на данном этапе в развертывании неоклассического реализма наблюдаются противоречивые и разнонаправленные тенденции. С одной стороны, последователи данного подхода стремятся сформировать качественный инструментальный и алгоритм для проведения анализа внешней политики и межгосударственных

отношений, с другой — ряд ученых пытаются преодолеть присущую ему эклектичность теоретических допущений, определить онтологические, эпистемологические и методологические основания неоклассического реализма при соотнесении его с основными теориями международных отношений.

В целом в настоящий момент наиболее перспективным и целесообразным представляется дальнейшее развитие идей неоклассического реализма через их последовательную интеграцию в более широкие рамки (нео)реалистской парадигмы. В этом смысле структурный подход выступает в качестве теоретико-методологического базиса, а неоклассический реализм — в виде его частного варианта, специфической модели исследования действительности. Включение в эту модель внутриполитического уровня анализа в таком случае оказывается логичным, оправданным и перспективным с точки зрения объяснения внешнеполитического поведения государств в современных международных условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Годованюк К.А. Россия во внешнеполитической стратегии Великобритании на современном этапе: Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2015.
2. Конышев В.Н. Неоклассический реализм в теории международных отношений // ПОЛИС: Политические исследования. 2020. № 4. С. 94–111. DOI: 10.17976/jpps/2020.04.07.
3. Косоруков А.А. Стратегия Китая в начале XXI века: выход на глобальный уровень // Вопросы безопасности. 2014. № 4. С. 31–69. DOI: 10.7256/2306-0417.2014.4.13390.
4. Кун Т. Объективность, ценностные суждения и выбор теории // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада / Сост. А.А. Печенкин. М.: Логос, 1996. Р. 62–83.
5. Леонов Ю.И. Экспертная дипломатия аналитических институтов ФРГ и РФ в период с 2014 г.: формы и направления взаимодействия // Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности: Сборник работ IX международной студенческой научной конференции / Под ред. Д.О. Матяшовой, Е.В. Смирнова, Д.И. Попова и др. СПб.: Скифия-принт, 2021. С. 312–322.
6. Микешина Л.А. Философия науки. Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
7. Рузавин Г.И. Научная теория: логико-методологический анализ. М.: Мысль, 1978.

8. Степин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

9. Стрельцов Д.В., Лукин А.Л. Российско-японские отношения через призму теории. Реализм, конструктивизм и двухуровневые игры // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 2. С. 44–63. DOI: 10.17994/IT.2017.15.2.49.3.

10. Энтина Е.Г. Особенности и пределы интеграционной политики ЕС в Юго-Восточной Европе (на примере государств постъюгославского пространства): Дисс. ... д-ра полит. наук. М., 2020.

11. Blagden D. Roleplay, realpolitik and 'great powerness': The logical distinction between survival and social performance in grand strategy // European Journal of International Relations. 2021. Vol. 27. No. 4. P. 1162–1192. DOI: 10.1177/13540661211048776.

12. Christensen T.J. Useful adversaries: Grand strategy, domestic mobilization, and Sino-American conflict, 1947–1958. Princeton: Princeton University Press, 1996.

13. Christensen T.J., Snyder J. Chain gangs and passed bucks: Predicting alliance patterns in multipolarity // International Organization. 1990. Vol. 44. No. 2. P. 137–168. DOI: 10.1017/S0020818300035232.

14. Dunne T., Hansen L., Wight C. The end of international relations theory // European Journal of International Relations. 2013. Vol. 19. No. 3. P. 405–425. DOI: 10.1177/1354066113495485.

15. Fiammenghi D., Rosato S., Parent J. et al. Correspondence: Neoclassical realism and its critics // International Security. 2018. Vol. 43. No. 2. P. 193–203. DOI: 10.1162/isec_c_00332.

16. Foulon M. Neoclassical realism: Challengers and bridging identities // International Studies Review. 2015. Vol. 17. No. 4. P. 635–661. DOI: 10.1111/misr.12255.

17. Foulon M., Meibauer G. Realist avenues to global international relations // European Journal of International Relations. 2020. Vol. 26. No. 4. P. 1203–1229. DOI: 10.1177/1354066120926706.

18. Götz E. Neoclassical realist theories, intervening variables, and paradigmatic boundaries // Foreign Policy Analysis. 2021. Vol. 17. No. 2. P. 1–13. DOI: 10.1093/fpa/oraa026.

19. He K. Explaining United States-China relations: Neoclassical realism and the nexus of threat-interest perceptions // The Pacific Review. 2017. Vol. 30. No. 2. P. 133–151. DOI: 10.1080/09512748.2016.1201130.

20. Juneau T. Squandered opportunity: Neoclassical realism and Iran's foreign policy. Redwood City: Stanford University Press, 2015.

21. Juneau T., Lobell S.E., Ripsman N.M., Rubin L.P. Neoclassical realism: Domestic politics, systemic pressures, and the impact on foreign policy since the Arab Spring // Routledge handbook of international relations in the Middle East / Ed. by S. Akbarzadeh. Abingdon: Routledge, 2019. P. 8–22.

22. Kaufman R.G. To balance or to bandwagon? Alignment decisions in 1930s Europe // *Security Studies*. 1992. Vol. 1. No. 3. P. 417–447. DOI: 10.1080/09636419209347477.
23. Kitchen N. Systemic pressures and domestic ideas: A neoclassical realist model of grand strategy formation // *Review of International Studies*. 2010. Vol. 36. No. 1. P. 117–143. DOI: 10.1017/S0260210509990532.
24. Korolev A., Portyakov V. Reluctant allies: System-unit dynamics and China-Russia relations // *International Relations*. 2019. Vol. 33. No. 1. P. 40–66. DOI: 10.1177/0047117818812561.
25. Legro J.W., Moravcsik A. Is anybody still a realist? // *International Security*. 1999. Vol. 24. No. 2. P. 5–55. DOI: 10.1162/016228899560130.
26. Mearsheimer J.J., Walt S.M. Leaving theory behind: Why simplistic hypothesis testing is bad for international relations // *European Journal of International Relations*. 2013. Vol. 19. No. 3. P. 427–457. DOI: 10.1177/1354066113494320.
27. Meibauer G. Interests, ideas, and the study of state behavior in neoclassical realism // *Review of International Studies*. 2020. Vol. 46. No. 1. P. 20–36. DOI: 10.1017/S0260210519000214.
28. Meibauer G., Desmaele L., Onea T. et al. Forum: Rethinking neoclassical realism at theory's end // *International Studies Review*. 2021. Vol. 23. No. 1. P. 268–295. DOI: 10.1093/isr/viaa018.
29. Narizny K. On systemic paradigms and domestic politics: A critique of the newest realism // *International Security*. 2017. Vol. 42. No. 2. P. 155–190. DOI: 10.1162/ISEC_a_00296.
30. Quinn A. Kenneth Waltz, Adam Smith and the limits of science: Hard choices for neoclassical realism // *International Politics*. 2013. Vol. 50. No. 2. P. 159–182. DOI: 10.1057/ip.2013.5.
31. Rathbun B. A rose by any other name: Neoclassical realism as the logical and necessary extension of structural realism // *Security Studies*. 2008. Vol. 17. No. 2. P. 294–321. DOI: 10.1080/09636410802098917.
32. Ripsman N.M., Taliaferro J.W., Lobell S.E. *Neoclassical realist theory of international politics*. New York: Oxford University Press, 2016.
33. Rose G. Neoclassical realism and theories of foreign policy // *World Politics*. 1998. Vol. 51. No. 1. P. 144–172. DOI: 10.1017/S0043887100007814.
34. Schweller R.L. *Deadly imbalances: Tripolarity and Hitler's strategy of world conquest*. New York: Columbia University Press, 1998.
35. Schweller R.L. Opposite but compatible nationalisms: A neoclassical realist approach to the future of US-China relations // *The Chinese Journal of International Politics*. 2018. Vol. 11. No. 1. P. 23–48. DOI: 10.1093/cjip/poy003.
36. Schweller R.L. The progressiveness of neoclassical realism // *Progress in international relations theory: Appraising the field* / Ed. by C. Elman, M.F. Elman. Cambridge: MIT Press, 2003. P. 311–348.

37. Schweller R.L. Unanswered threats: Political constraints on the balance of power. Princeton: Princeton University Press, 2010.

38. Sears N.A. The neoclassical realist research program: Between progressive promise and degenerative dangers // *International Politics Reviews*. 2017. Vol. 5. No. 1. P. 21–31. DOI: 10.1057/s41312-017-0020-x.

39. Steinsson S. Neoclassical realism in the North Atlantic: Explaining behaviors and outcomes in the Cod Wars // *Foreign Policy Analysis*. 2017. Vol. 13. No. 3. P. 599–617. DOI: 10.1093/fpa/orw062.

40. Taliaferro J.W., Lobell S.E., Ripsman N.M. Is peaceful change in world politics always desirable? A neoclassical realist perspective // *International Studies Review*. 2018. Vol. 20. No. 2. P. 283–291. DOI: 10.1093/isr/viy023.

41. Walt S.M. The origins of alliance. Ithaca; London: Cornell University Press, 1990.

42. Waltz K.N. International politics is not foreign policy // *Security Studies*. 1996. Vol. 6. No. 1. P. 54–57. DOI: 10.1080/09636419608429298.

43. Waltz K.N. Theory of international politics. Reading, MA: Addison-Wesley Publishing Company, 1979.

44. Weitsman P.A. Dangerous alliances: Proponents of peace, weapons of war. Redwood City: Stanford University Press, 2004.

45. Wohlforth W.C. The elusive balance: Power and perceptions during the Cold War. Ithaca: Cornell University Press, 1993.

46. Zakaria F. From wealth to power: The unusual origins of America's world role. Princeton: Princeton University Press, 1998.

REFERENCES

1. Godovanyuk K.A. 2015. *Rossiya vo vneshnepoliticheskoi strategii Velikobritanii na sovremennom etape* [Russia's place in the UK's foreign policy strategy at the present stage]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)

2. Konyshchikov V.N. 2020. Neoklassicheskiy realizm v teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [Neoclassical realism in the theory of international relations]. *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 94–111. DOI: 10.17976/jpps/2020.04.07. (In Russ.)

3. Kosorukov A.A. 2014. Strategiya Kitaya v nachale XXI veka: vykhod na global'nyi uroven' [China's strategy at the beginning of the 21st century: Reaching the global level]. *Voprosy bezopasnosti*, no. 4, pp. 31–69. DOI: 10.7256/2306-0417.2014.4.13390. (In Russ.)

4. Kun T. 1996. Ob'ektivnost', tsennostnye suzhdeniya i vybor teorii [Objectivity, value judgement, and theory choice]. In: Pechenkin A.A. (ed.). *Sovremennaya filosofiya nauki: znanie, ratsional'nost', tsennosti v trudakh myslitelei Zapada* [Modern philosophy of science: Knowledge, rationality, values in the works of Western thinkers]. Moscow, Logos Publ., pp. 62–83. (In Russ.)

5. Leonov Yu.I. 2021. Ekspertnaya diplomatiya analiticheskikh institutov FRG i RF v period s 2014 g.: formy i napravleniya vzaimodeistviya [Expert diplomacy of analytical institutes of Germany and the Russian Federation since 2014: Forms and directions of interaction]. In: Matyashova D.O., Smirnov E.V., Popov D.I. et al. (eds.). *Rossiia v global'nom mire: novye vyzovy i vozmozhnosti: Sbornik rabot IX mezhdunarodnoi studencheskoi nauchnoi konferentsii* [Russia in the global world: New challenges and opportunities. Proceedings of the 9th International Student Scientific Conference]. Saint-Petersburg, Skifiya-print Publ., pp. 312–322. (In Russ.)
6. Mikesheina L.A. 2005. *Filosofiia nauki. Sovremennaya epistemologiya. Nauchnoe znanie v dinamike kul'tury. Metodologiya nauchnogo issledovaniya* [Philosophy of science. Modern epistemology. Scientific knowledge in the dynamics of culture. Methodology of scientific research]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ. (In Russ.)
7. Ruzavin G.I. 1978. *Nauchnaya teoriya: logiko-metodologicheskii analiz* [Scientific theory: Logical and methodological analysis]. Moscow, Mysl' Publ. (In Russ.)
8. Stepin V.S. 2003. *Teoreticheskoe znanie. Struktura, istoricheskaya evolyutsiya* [Theoretical knowledge. Structure and historical evolution]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ. (In Russ.)
9. Strel'tsov D.V., Lukin A.L. 2017. Rossiisko-yaponskie otnosheniya cherez prizmu teorii. Realizm, konstruktivizm i dvukhurovnevye igry [Russian-Japanese rapprochement through the lens of IR theory: Neo-classical realism, constructivism and two-level games]. *International Trends*, vol. 15, no. 2, pp. 44–63. DOI: 10.17994/IT.2017.15.2.49.3. (In Russ.)
10. Entina E.G. 2020. *Osobennosti i predely integratsionnoi politiki ES v Yugo-Vostochnoi Evrope (na primere gosudarstv post'yugoslavskogo prostranstva)* [Features and limits of the EU integration policy in South-Eastern Europe (on the example of states of the post-Yugoslav space)]. Doctoral Thesis. Moscow. (In Russ.)
11. Blagden D. 2021. Roleplay, realpolitik and 'great powerness': The logical distinction between survival and social performance in grand strategy. *European Journal of International Relations*, vol. 27, no. 4, pp. 1162–1192. DOI: 10.1177/135406612111048776.
12. Christensen T.J. 1996. *Useful adversaries: Grand strategy, domestic mobilization, and Sino-American conflict, 1947–1958*. Princeton, Princeton University Press.
13. Christensen T.J., Snyder J. 1990. Chain gangs and passed bucks: Predicting alliance patterns in multipolarity. *International Organization*, vol. 44, no. 2, pp. 137–168. DOI: 10.1017/S0020818300035232.
14. Dunne T., Hansen L., Wight C. 2013. The end of international relations theory. *European Journal of International Relations*, vol. 19, no. 3, pp. 405–425. DOI: 10.1177/1354066113495485.

15. Fiammenghi D., Rosato S., Parent J. et al. 2018. Correspondence: Neoclassical realism and its critics. *International Security*, vol. 43, no. 2, pp. 193–203. DOI: 10.1162/isec_c_00332.

16. Foulon M. 2015. Neoclassical realism: Challengers and bridging identities. *International Studies Review*, vol. 17, no. 4, pp. 635–661. DOI: 10.1111/misr.12255.

17. Foulon M., Meibauer G. 2020. Realist avenues to global international relations. *European Journal of International Relations*, vol. 26, no. 4, pp. 1203–1229. DOI: 10.1177/1354066120926706.

18. Götz E. 2021. Neoclassical realist theories, intervening variables, and paradigmatic boundaries. *Foreign Policy Analysis*, vol. 17, no. 2, pp. 1–13. DOI: 10.1093/fpa/oraa026.

19. He K. 2017. Explaining United States-China relations: Neoclassical realism and the nexus of threat-interest perceptions. *The Pacific Review*, vol. 30, no. 2, pp. 133–151. DOI: 10.1080/09512748.2016.1201130.

20. Juneau T. 2015. *Squandered opportunity: Neoclassical realism and Iran's foreign policy*. Redwood City, Stanford University Press.

21. Juneau T., Lobell S.E., Ripsman N.M., Rubin L.P. 2019. Neoclassical realism: Domestic politics, systemic pressures, and the impact on foreign policy since the Arab Spring. In: Akbarzadeh S. (ed.). *Routledge handbook of international relations in the Middle East*. Abingdon, Routledge, pp. 8–22.

22. Kaufman R.G. 1992. To balance or to bandwagon? Alignment decisions in 1930s Europe. *Security Studies*, vol. 1, no. 3, pp. 417–447. DOI: 10.1080/09636419209347477.

23. Kitchen N. 2010. Systemic pressures and domestic ideas: A neoclassical realist model of grand strategy formation. *Review of International Studies*, vol. 36, no. 1, pp. 117–143. DOI: 10.1017/S0260210509990532.

24. Korolev A., Portyakov V. 2019. Reluctant allies: System-unit dynamics and China-Russia relations. *International Relations*, vol. 33, no. 1, pp. 40–66. DOI: 10.1177/0047117818812561.

25. Legro J.W., Moravcsik A. 1999. Is anybody still a realist? *International Security*, vol. 24, no. 2, pp. 5–55. DOI: 10.1162/016228899560130.

26. Mearsheimer J.J., Walt S.M. 2013. Leaving theory behind: Why simplistic hypothesis testing is bad for international relations. *European Journal of International Relations*, vol. 19, no. 3, pp. 427–457. DOI: 10.1177/1354066113494320.

27. Meibauer G. 2020. Interests, ideas, and the study of state behavior in neoclassical realism. *Review of International Studies*, vol. 46, no. 1, pp. 20–36. DOI: 10.1017/S0260210519000214.

28. Meibauer G., Desmaele L., Onea T. et al. 2021. Forum: Rethinking neoclassical realism at theory's end. *International Studies Review*, vol. 23, no. 1, pp. 268–295. DOI: 10.1093/isr/viaa018.

29. Narizny K. 2017. On systemic paradigms and domestic politics: A critique of the newest realism. *International Security*, vol. 42, no. 2, pp. 155–190. DOI: 10.1162/ISEC_a_00296.
30. Quinn A. 2013. Kenneth Waltz, Adam Smith and the limits of science: Hard choices for neoclassical realism. *International Politics*, vol. 50, no. 2, pp. 159–182. DOI: 10.1057/ip.2013.5.
31. Rathbun B. 2008. A rose by any other name: Neoclassical realism as the logical and necessary extension of structural realism. *Security Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 294–321. DOI: 10.1080/09636410802098917.
32. Ripsman N.M., Taliaferro J.W., Lobell S.E. 2016. *Neoclassical realist theory of international politics*. New York, Oxford University Press.
33. Rose G. 1998. Neoclassical realism and theories of foreign policy. *World Politics*, vol. 51, no. 1, pp. 144–172. DOI: 10.1017/S0043887100007814.
34. Schweller R.L. 1998. *Deadly imbalances: Tripolarity and Hitler's strategy of world conquest*. New York, Columbia University Press.
35. Schweller R.L. 2018. Opposite but compatible nationalisms: A neoclassical realist approach to the future of US-China relations. *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 11, no. 1, pp. 23–48. DOI: 10.1093/cjip/poy003.
36. Schweller R.L. 2003. The progressiveness of neoclassical realism. In: Elman C., Elman M.F. (eds.). *Progress in international relations theory: Appraising the field*. Cambridge, MIT Press, pp. 311–348.
37. Schweller R.L. 2010. *Unanswered threats: Political constraints on the balance of power*. Princeton, Princeton University Press.
38. Sears N.A. 2017. The neoclassical realist research program: Between progressive promise and degenerative dangers. *International Politics Reviews*, vol. 5, no. 1, pp. 21–31. DOI: 10.1057/s41312-017-0020-x.
39. Steinsson S. 2017. Neoclassical realism in the North Atlantic: Explaining behaviors and outcomes in the Cod Wars. *Foreign Policy Analysis*, vol. 13, no. 3, pp. 599–617. DOI: 10.1093/fpa/orw062.
40. Taliaferro J.W., Lobell S.E., Ripsman N.M. 2018. Is peaceful change in world politics always desirable? A neoclassical realist perspective. *International Studies Review*, vol. 20, no. 2, pp. 283–291. DOI: 10.1093/isr/viy023.
41. Walt S.M. 1990. *The origins of alliance*. Ithaca; London, Cornell University Press.
42. Waltz K.N. 1996. International politics is not foreign policy. *Security Studies*, vol. 6, no. 1, pp. 54–57. DOI: 10.1080/09636419608429298.
43. Waltz K.N. 1979. *Theory of international politics*. Reading, MA, Addison-Wesley Publishing Company.
44. Weitsman P.A. 2004. *Dangerous alliances: Proponents of peace, weapons of war*. Redwood City, Stanford University Press.
45. Wohlforth W.C. 1993. *The elusive balance: Power and perceptions during the Cold War*. Ithaca, Cornell University Press.

46. Zakaria F. 1998. *From wealth to power: The unusual origins of America's world role*. Princeton, Princeton University Press.

Статья поступила в редакцию 27.03.2022; одобрена после
рецензирования 27.04.2023; принята к публикации 26.01.2024

The paper was submitted 27.03.2022; approved after reviewing 27.04.2023;
accepted for publication 26.01.2024